Бикбулатова Наиля

Фирн и жизнь рядом

Повесть и рассказы

Снег ползёт...
а жизнь
продолжается

Наиля Бикбулатова

Фирн и жизнь рядом

«Автор»
2026

Бикбулатова Н.

Фирн и жизнь рядом / Н. Бикбулатова — «Автор», 2026

###Что происходит, когда умудрённое годами сознание 74-летней женщины внезапно возвращается в её 26-летнее тело? Судьба дала Римме шанс очнуться в Куйбышеве 1978 года, увидеть живую маму в фисташковом платье и переписать будущее. Но фрактальные кольца судьбы неумолимо стягиваются вокруг заснеженных склонов Кавказа. На турбазе «Горный воздух» Римма встречает Олега — парня, чей взгляд скрывает опасную семейную тайну. Когда искушение грозит обернуться позором, горы и Бог приводят в движение миллионотонную лавину. Ледяной щит сойдет во спасение — чтобы остудить пожар тел и открыть чистую правду крови.«Фирн и жизнь рядом» — глубокая книга-мозаика. Под обложкой сплелись мистическая повесть о петлях времени, тонкая житейская сатира об удалении «зубной мудрости», мемуарная проза о дочерней любви, спасённых синичках и весточках с родительского погоста. Вопреки любым маленьким и большим несвободам — жизнь продолжается, пока жива наша память.

© Бикбулатова Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Когда ползет снег. Повесть-фэнтези 6
Глава 1: Запах старых страниц 7
Глава 2: Вкус фисташкового утра 8
Глава 3: Путевка в лето 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Наиля Бикбулатова
Фирн и жизнь рядом

Когда ползет снег. Повесть-фэнтези

Глава 1: Запах старых страниц

Еще секунду назад Римме снился путаный, причудливый сон про сенсорные телефоны, пластиковые карты и шумный, летящий на бешеной скорости две тысячи двадцать шестой . Она пошевелилась, ощущая необычную, давно позабытую легкость. Ничего не болело. Спина, обычно нывшая к утру свинцовой старческой тяжестью, оказалась гибкой, послушной, а сердце стучало в груди ровно, мощно, разгоняя горячую кровь.

Римма открыла глаза. Потолок над головой был непривычно белым, побеленным известью, а не затянутым современным глянцевым пластиком. За окном оглушительно, заливисто чирикали воробьи. Родной Куйбышев просыпался, залитый мягким июньским солнцем.

Она повернула голову налево и замерла, почти не дыша. У стены стоял он. Их старый куйбышевский книжный шкаф. Тяжелый, из темного дерева, с раздвижными стеклами, которые всегда жалобно и предупреждающе дребезжали, если мимо быстро пробежать. На полках плотными, ровными рядами выстроились корешки: «Библиотека приключений» в строгих переплетах, потрепанный Джек Лондон, томик Есенина. Сквозь узкую щель доносился тот самый, ни с чем не сравнимый аромат — смесь сухой бумаги, типографской краски и капельки домашней пыли. Запах детства и юности.

Римма подняла руку перед лицом и обомлела. Кожа была гладкой, без единого возрастного пигментного пятнышка или вздувшейся синей вены. На неё смотрели тонкие, изящные пальцы двадцатишемилетней девушки. Её собственные руки из далёкого прошлого.

— Дочка, проснулась? Иди завтракать, чайник закипел! — раздался с кухни родной, живой голос мамы, которой в её недавнем больничном кошмаре уже давно не было на свете.

Мир вокруг перевернулся. Она вернулась.

«Я дома, — подумала Римма, и по её молодой щеке покатилась горячая, звенящая слеза. — Действительно дома. В Куйбышеве. И у меня есть шанс всё прожить заново. И всё, всё до конца прочитать».

Она шагнула в полумрак коридора. Сердце колотилось у самого горла, выстукивая сумасшедший ритм вернувшейся молодости. Римма толкнула легкую кухонную дверь и замерла на пороге, затаив дыхание.

У плиты, спиной к ней, стояла мама. На ней было то самое фисташковое кримпленовое платье. Отрез на него когда-то давно кто-то подарил, но кусок оказался слишком небольшим, куцым, и местная куйбышевская портниха с трудом скроила наряд с короткими рукавами. Мама сначала отчаянно берегла его, надевала исключительно на работу в учреждение, а теперь вот донашивала дома, как обычный халат. Оно было невероятно практичным: легко стиралось, моментально сохло на балконе и совсем не требовало глажки.

Мама повернулась, держа в руке потемневшее вафельное полотенце. На её лице ещё не было ни одной из тех глубоких, горьких морщин, которые Римма запомнила в больничной палате. Глаза лучились мягким, покойным домашним светом, а тёмные волосы были аккуратно причёсаны волосок к волоску.

— Ну наконец-то, соня, — улыбнулась она, кивая на накрытый стол. — Садись, пока чай горячий. Ты чего на меня так смотришь, словно в первый раз видишь?

Римма смотрела на этот фисташковый кримплен, на её живые, ещё не натруженные до узлов руки, на веселый пар, валивший из носика пузатого чайника, — и не могла вымолвить ни единого слова. В горле стоял глухой, тяжёлый ком. Её мудрая, прожившая долгую жизнь душа из двадцать первого века сейчас взирала на эту молодую, ничего не подозревающую женщину и кричала от нежности. Римма вернулась сюда не просто так. Она сделает всё, чтобы защитить её от будущих ударов судьбы.

Глава 2: Вкус фисташкового утра

Мама засуетилась у плиты, а Римма сделала несколько несмелых шагов внутрь маленькой кухни. Ноги сами привели её к обеденному столу. Он был аккуратно застелен старой, но чистой клеенкой — в мелкую клеточку и блеклый ситцевый цветочек. Из-под нее виднелись лишь самые края деревянных, тяжелых, намертво сбитых табуретов. Римма выдвинула один из них, и он глухо отозвался, жестко шаркнув по линолеуму.

Посреди стола, ровно на пересечении клеточных узоров, дремала пузатая фаянсовая сахарница. Римма протянула руку, коснулась ее прохладного бока, покрытого мелкой сеточкой едва заметных трещинок от времени. Всё было таким осязаемым, настоящим, что кружилась голова.

Справа, на белом гудящем плече холодильника «Бирюса», примостилась их знаменитая хлебница. Металлическая, выкрашенная в белый цвет. Римма помнила, как девчонкой любила без спроса гонять ее полукруглую дверцу туда-сюда: легкий толчок пальцем, и шторка с тихим жестяным шорохом уезжает наверх, точь-в-точь как дверь в купе поезда.

— На, держи, — мама повернулась и поставила перед ней кружку с чаем и тарелку. — Чего притихла? Ешь, пока гренки теплые.

На подоконнике, прямо за маминой спиной, в простом глиняном горшке пышно цвела кроваво-красная герань. Солнечный луч пробивался сквозь занавеску, подсвечивая ее лепестки так ярко, словно они горели маленькими кострами. Из окна тянуло свежестью, утренней прохладой и едва уловимым запахом бензина от редких проезжающих машин — совсем не таким удушливым, как в её будущем.

Римма взяла в руки теплую кружку. Её глаза лихорадочно искали хоть какую-то подсказку. Какой сегодня день? Какое число? Календарь на стене... Где он? Ей нужно было срочно понять, какой сценарий жизни предстоит переписать.

Она сделала глоток сладкого чая, но мысли были далеко. Глаза продолжали сканировать кухню. И тут, прямо возле дверного проема, она увидела его.

На стене висел самый обыкновенный отрывной календарь. Он был закреплен на плотной картонной подложке, украшенной ярким, немного наивным рисунком пышных садовых цветов. Тонкая стопка серых газетных листочков похудела почти наполовину.

Римма заставила себя сфокусировать зрение на пухлом верхнем листке. Крупные черные цифры и буквы сложились в ответ: 14 ИЮНЯ. А чуть ниже, в самом углу листка, мелко, но отчетливо виднелся год: 1978.

У неё перехватило дыхание. Тысяча девятьсот семьдесят восьмой! Ей двадцать шесть лет. Самый расцвет. Её взрослая жизнь только-только набрала ход, она уже два года как работает экономистом после института. И все главные развилки, все ошибки, все ключевые встречи — всё это еще не случилось, всё это лежит впереди, чистым белым листом. Отрезвление пришло мгновенно: в её памяти, принесённой из будущего, Челябинск всегда ассоциировался с местом, где мама Маргарита проведёт свои самые последние, преклонные годы. Но сейчас мама была здесь, в Куйбышеве — молодая, сильная.

— Дочка, ты чего застыла? — Маргарита ласково коснулась её плеча, и фисташковый кримплен её платья зашуршал совсем рядом. — Поторопись, а то на автобус опоздаешь. Забыла, что ли, какие у тебя на сегодня планы?

Римма медленно повернулась к ней, судорожно пытаясь вспомнить: 14 июня 1978 года... Четверг. Куйбышев. Куда же она должна была ехать в тот самый день?

Глава 3: Путевка в лето

— На турбазу ты едешь, Риммусь! В горы, на Кавказ! По профсоюзной путевке! — голос Маргариты окончательно прогнал остатки оцепенения. — Чемодан со вчерашнего дня в прихожей стоит, а ты сидишь, на календарь смотришь, будто первый раз его видишь. На автобус до вокзала опоздаешь!

Римма стояла в прихожей, глядя на тяжелый фибровый чемодан с металлическими уголками. Рука застыла на его гладкой кожаной ручке. С кухни доносился мамин голос, шуршал фисташковый кримплен, а в голове бушевал настоящий шторм.

Память взрослой женщины, прожившей долгую жизнь и заснувшей в футуристическом 2026 году, кричала ей: «Это ловушка! Чертовщина! Так не бывает!» Но её новое, упругое и молодое тело дышало такой силой, что спорить с реальностью было глупо. Она действительно была здесь. В своем 1978 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.